

- Васька, а у тебя раньше-то с бабами было? Ну, трахался с девками-то? — спросил дядя Валера, когда мы после бани сидели и пили чай. Точнее, чай пил я один, а мои родственники больше увлекались самогонкой. Да и я тоже выпил уже две стопки. С учётом выпитого до бани, и дядя, и особенно тётя Зина изрядно осоловели. Я посмотрел на дядю, потом на тётю. - Так было с бабами-то? — повторил дядя Валера. - Нет, — смущённо сознался я. - Тогда надо выпить за то, что ты сегодня мужиком стал. С боевым, так сказать, крещением! Ишь, Зинуха, ты сёдни из пацана мужика сделала! За тебя, Васька! И за тебя, Зинуха! Ты у меня молодец во всех смыслах! - Ага, подложил жену под чужого мужика и рад... - Не под чужого, Зинуха! — пьяно нараспев сказал дядя Валера. — Это мой родной племянник. Родная кровь, понимаешь! И не говори, что тебе не было хорошо... - И не говорю, — согласилась тётя Зина. - Вот! Благодари племяша, что тебе такое удовольствие доставил. И меня, что так устроил. - Вот, спасибошки вам обоим, — засмеялась тётя Зина. - То-то! — назидательно сказал дядя Валера. — И без ухмылочек. - Да я и не ухмыляюсь. - Тебе хорошо было? - Хорошо, — согласилась тётя Зина. - И нам с Васькой тоже было хорошо. Вот за это надо выпить. - Да и так уже вроде... — запротестовала было тётя Зина. - По последней. И спать. Он снова налил им самогонки, мне — целую стопку наливки. Выпили. Дядя Валера поднялся из-за стола. — Теперь спать. Да не гоношишь ты, — сказал он, когда тётя Зина начала было убирать со стола. — Завтра приберёшь. Пошли спать. Они ушли в свою спальню, я разобрал диван, постелил себе и лёг спать. Но мне, конечно же не спалось, хотя спиртное и клонило в сон. Перед глазами всплывали картины сегодняшней бани и моегоекса с тётей. Я запустил руку в трусы и начал неторопливо онанировать. В это время из спальни родственников послышался громкий шепот: - Зинуха, а я хочу. - И толку? — резонно сказала тётя Зина. — У тебя теперь дня два не встанет. - Ну, дай хоть пальцами в тебе пошевелю. - Раздразнишь опять только и всё. - Если что, потом опять сама кончишь. - Вот как всегда... Спи уже. - Не могу, тебя хочу. Ну, или давай ты сама себя, а я просто рядом полежу. Знаешь ведь, что мне это любо. - Любо ему, — недовольно ответила тётя Зина. Потом на какое-то время голоса затихли, слышалось только какое-то шевеление. Видимо, тётя Зина всё же начала себя гладить между ног. - Погоди-ка, я свет включу, — прошептал дядя Валера. - Это зачем? — недовольно сказала тётя Зина. - Посмотреть хочу. - Не насмотрелся ещё старый развратник. - Развратник, но не старый, — возразил, одновременно соглашаясь, дядя Валера. — И не насмотрелся. Мне это всегда нравилось и никогда не надоест. За занавеской включили свет, и снова в доме воцарилась тишина, время от времени нарушаемая тяжёлым дыханием тёти Зины. - Васька! — вдруг громко сказал дядя Валера. — Спишь? Я промолчал. - Дрошишь? - Нет, — испуганно откликнулся я. - Не ври, — назидательно ответил дядя Валера. — Я в твои годы ещё как дрошил. - Что ты к ребёнку пристал? — зашептала тётя Зина. - Ты, между прочим, этого ребёнка сегодня мужиком сделала, — резонно возразил дядя Валера. — Васька! Ты видел, как бабы сами себя трахают? - Нет... — ответил я после некоторого замешательства. - Что, Танька ночью не показала? - Ну, что ты опять привязался к парню? Танька у нас ещё ребёнок. - Да знаю я, как этот ребёнок по ночам самотыком занимается. Не глухой, поди. Так порой пыхтит, что мёртвого разбудит. - Ну, и пусть пыхтит, тебе-то что? - Да пусть лучше сама пыхтит, чем в кустах за клубом с каким сопливым пьянчужкой трахается да потом в подоле

принесёт. Васька! Иди к нам. - Ещё что удумал? — недовольно сказала тётя Зина. - Молчи, Зинуха, пусть парень тоже поглядит. Да и тебе самой приятно, когда смотрят. Сама же говорила. Иди, Васька, иди, когда ещё в другой раз увидеть доведётся. Ну, что притих? Иди, говорю. Я встал с дивана и прошёл в спальню. Дядя Валера сидел на стуле возле кровати, на которой широко раскинув ноги лежала тётя Зина. Одна её рука была закинута за голову, вторая лежала между ног. - Ну, чего затихарилась? — спросил дядя Валера. - Так стыдно же, — ответила тётя Зина. - Чего стыдно? В бане было не стыдно, а тут застеснялась. - Так в бане не сама себя ублажала... — опять резонно возразила тётя Зина. - Давай, давай, наяривай, пусть парень тоже полюбуется. - Да не могу я вот так сразу, — запротестовала тётя Зина. — Мне ведь тоже сначала возбудиться надо. - Васька, снимай трусы, пусть тётушка на твою елду полюбуется. Может, быстрее возбудится. Давай снимай, чего столбом встал? Вон у тебя корень как трусы-то вздымает! Я бы и сам ей показал, да теперь больше одной палки не могу — годы уже не те, чтобы по три раза за ночь, как раньше бывало. Зинуха, а ты чего отворачиваешься? Погляди, какой у Васьки красавец. Прям, как у жеребца. - Прямо-таки и у жеребца, — недоверчиво ответила тётя Зина, но повернула к нам голову. - Ты, Васька, подойди поближе-то, подойди, пусть потрогает. Ей это полезно. Что, Зинуха, заробела? Бери в руки, пока я добрый да пока есть что взять. Тётя Зина пьяно улыбнулась, но протянула руку, зажала торчащий член в ладони и стала неторопливо водить по моему братишке. Я смотрел то на её лицо, на котором расплылась сладостная улыбка, то на тугие груди, развалившиеся на обе стороны, то на ладошку, которая медленно гладила промежность. Скосил взгляд на дядю Валеру. Он сидел на стуле и мял свою вялую, как у младенца путирышку, жадно переводя взгляд с одной руки жены на другую. А ладошка в промежности между тем стала двигаться всё быстрее, тётя Зина согнула ноги в коленях, вдруг вставила в себя два пальца, сильно сжала ноги, вытянула их и забилась крупной дрожью. - Ишь, как забирает-то, — одобрительно сказал дядя Валера. — Молодец. Зинуха. Ох, и порадовала опять! Потом повернулся ко мне: - Ты у девок между ног лизал? - Нет, — торопливо ответил я, ещё не зная, к чему клонит дядя Валера. — В кино много раз видел. - Ну дак поласкай тётушку-то. Она тебе конец в бане нацеловывала, твоя очередь долг отдавать. Иди, иди... — И он шлёпнул меня по голой заднице, подбадривая на новый сексуальный подвиг. - Ты, Зинуха, ложись-ка поперёк кровати, так удобнее будет. - Ну, чего ты опять удумал? — не очень решительно возразила тётя Зина. - Давай, давай... Тётя Зина убрала ладонь от промежности и устроилась поперёк кровати, широко раскинув ноги. Я впервые вот так живьём увидел влагалище. Оно было похоже на рот с раскрытыми пухлыми губами, как у Светки из нашего класса, про которую говорили, что она губы накачала силиконом. Эти губы тоже были розовыми и блестели от влаги. - Ну, давай... — снова подбадривая, сказал дядя Валера. Я сделал шаг вперёд, наклонился, пальцами раздвинул курчавые волосики, что густо росли по сторонам от розовых губ, несмело коснулся языком. Не почувствовал никакого вкуса и лизнул смелее. Тётя Зина дёрнулась всем телом. Я стал лизать смелее, почувствовал под языком какой-то бугорок и присосался к нему поцелуем. И тотчас тётя Зина громко застонала, руки сильно прижали мою голову к промежности, и я почувствовал, как тело тётушки снова забилось, будто в конвульсиях. - Ой, Валерочка, хорошо-то как! — послышалось сквозь стон. — Ой, спасибо тебе, родной ты мой! Справедливости ради благодарить прежде всего надо было бы меня, доставившего ей это удовольствие, но я был на седьмом небе от ощущений, которые получила женщина от моих ласк. Теперь я знал, что нужно делать, чтобы заставить девчонок вот так

